

Коммуникативные выражения языка

Зульфия Камиль кызы Ширинова

сотрудник Азербайджанского университета языков, Баку, Азербайджан

Аннотация. Языковые значения являются прагматичными, так как связаны с человеком, речевой ситуацией. Связана с прагматикой и референция. При характеристике референции необходимо рассматривать прежде всего речевые акты, в процессе которых говорящими и осуществляется референция.

“Между естественной дискретностью мира и ее отражением в языке нет полного тождества, но между ними необходимо существует соответствие, без которого язык не мог бы выполнить своего коммуникативного назначения”. (11:343).

Само коммуникативное значение в естественном языке отражает общие свойства человеческой природы, т.е. является антропоцентричным и, по словам Анны Вежбицкой, ориентировано на определенный этнос, т.е. по своей сущности оно этноцентрично. (2:16).

Языковые значения являются в принципе прагматичными, так как связаны с человеком, речевой ситуацией. Связана с прагматикой и референция, поскольку “в естественных языках нет кванторов или референциальных операторов, как в логических; есть слова типа *какой-то, кое-какой, некотрый, некто* – с массой прагматических компонентов, таких, как известность/неизвестность говорящему; среднее, с точки зрения говорящего, число или количество (ср. некоторое недовольство = “не большое и не маленькое”; кое-какие данные = “данные в среднем количестве”). (8:222). Будучи определенной как “соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями” (8:244), референция представляет собой сложный механизм связи знака с действительностью, в которой основная роль отводится автору информации, рассчитанной на ее восприятие. Поэтому при характеристике референции необходимо рассматривать прежде всего речевые акты, в процессе которых говорящими и осуществляется референция.

В связи с этим возникает ряд проблем, связанных с возможностью правильного или адекватного восприятия высказываний с целью избежания коммуникативных неудач. Их решению посвящено немало работ, как в области синтаксической семантики, так и в области прагматики. В последнее время их объединяет общая ориентация на исследование живой речи, разговорного языка, речевых актов: Н.Д. Ару-

тюнова, Е.В. Падучева, И.П. Сусов, А. Вежбицкая, А. Тимберлэйк, У. Вейнрейх, Г.П. Грайс, А.Д. Шмелев и многие другие представители отечественного и зарубежного языкознания. Анализ речевого дискурса связан с исследованием различных между собой идиолектов людей. Именно это различие представлений носителей языка в области грамматики, синтаксической связности, денотативной наполненности и функционально-истинностной эквивалентности предложений и высказываний, также наличие или отсутствие информации о самих событиях, ситуации или контексте и когнитивных пресуппозициях коренным образом влияют на референцию высказываний, а, значит, и на успешность коммуникативного акта.

Однако единого и однородного процесса понимания достичь практически невозможно, поскольку “в разных ситуациях пользователи языка демонстрируют различное понимание разных типов текста” (1:162). Но стремление к взаимопониманию между участниками речевого акта является залогом успешности любой коммуникации.

Идентифицирующая функция референтного высказывания (выражения) обеспечивает осуществление идентификации предмета относительно действительности и идентификацию предмета по отношению к тексту, т. е. указанию на кореферентность обозначающих один и тот же предмет выражений. Поэтому разнообразные типы коммуникативных ситуаций зависят прежде всего от действия в них механизмов референции и кореференции (идентификации и коиндентификации).

А.А. Абдуллаев выделяет следующие типы именных выражений с сингулярным значением, соответствующие объему знаний адресата: “1) отношения родства (*my father*); 2) партиципные отношения (*eyes of Ms. Herby*); 3) отношения дополнительности (*bank of Potomac River*); 4) единичная функция в рамках той или другой системы (*Minister of Interior Affairs*); 5) посесивные отношения (*the owner of this apartment*);

б) локальные отношения (sofa in that corner); 7) роль в событии (home buyers); 8) креативные отношения (the author of “Avatar”); 9) сингулярные для данного фрагмента мира признаки (lady in blue)” (12:21).

А. Вежбицкая называет сингулярный признак обозначаемым единичным объектом и рассматривает качество и функцию таких слов и выражений с точки зрения их идентификации. (3).

Нереферентными, по У.О. Куайну, можно считать те сингулярные термы, которые не починаются тождеству взаимозаменяемости. (6). Куайн назвал такое употребление именуемых выражений непрозрачным (referentially opaque) (6:90) и указал на четыре типа отклонений от принципа взаимозаменяемости тождественных тем:

- при автонимном (автореферентном) употреблении имени – при указании не на объект действительности, а на самое себя. Например, *Я лгу*. Эту реплику можно также назвать “иллокутивным самоубийством”.

- при невозможности замены выражения автореферентным: *Филипп полагает, что Тегульсигальпа находится в Никарагуа*. Название города нельзя заменить на однореферентное: *столица Гондураса*, т. к. Филипп об этом не может думать и знать;

- при контексте цитирования: цитирование рассматривается как “один референтно непрозрачный контекст среди многих”. (6:90);

- модальные контексты типа “необходимо...” и “возможно...” (6:91).

Е.В. Падучева же считает само понятие референциальной непрозрачности для семантики неудовлетворяющим, отмечая отсутствие полной доказательности противоречивости прочтения информации и допускает “вполне естественное и осмысленное прочтение”. (8:250, 251). В связи с этим Падучева рассматривает прозрачность (de re) и непрозрачность (de dicto) понимания/прочтения, интерпретации одного и того же имени и именных групп. (8:250-256). Но это не означает, что индивидуальные термы в пропозиции не имеют референции, как полагает У. Куайн (6). Поэтому Е.В. Падучева вводит другое понятие – ограниченная референция, с которым связывает понимание смысла высказывания, передающего чужую пропозициональную установку с помощью сложного предложения, содержащего имя или дескрипцию в составе придаточного, что требует знания исполнителей двух ролей, одна из

которых роль субъекта референции, а другая – субъекта номинации (8:250-256).

Рассматривая с точки зрения референтности/нереферентности именные группы (ИГ), Е.В. Падучева выделяет нереферентные – субстантивные ИГ, у которых отмечает следующие денотативные статусы: “1) экзистенциальный (в трех разновидностях: дистрибутивные ИГ, неконкретные ИГ, общеэкзистенциальные ИГ); 2) универсальный; 3) атрибутивный; 4) родовой (7:94).

Экзистенциальный денотативный статус ИГ строится на принципе множества объекта и невыделимости каждого из них, поскольку они неизвестны: Иногда *кто-нибудь из нас* его навещает. Всякие две пересекающиеся прямые имеют *общую точку*. К каждому воспитаннику приехали *его родственники*. (Дистрибутивная разновидность). Джон хочет жениться *на какой-нибудь иностранке*. В комнате нет *ни одного человека*. Заведомо *кто-нибудь из вас* его знает. (Неконкретная разновидность – в контексте модальности). *Некоторые товары* портятся при перевозке. *Иная похвала хуже брани*. Многие люди боятся тараканов. В этом лесу водятся *лоси*. (Общеэкзистенциальная разновидность, строящаяся на манифестации части абстрактного (универсального) множества) (7:94).

Универсальный денотативный статус характеризуется неким “квантором общности “для всякого” по переменной, которая принимает значения из экстенционала общего имени в составе этой ИГ: *Конец венчает дело. Тот, кто сеет ветер, пожнет бурю*”. (7:95).

Итак, основным вопросом для теории референции является уточнение роли значения в установлении связи между именными выражениями и объектами действительности и в формировании смысла предложения и его истинности. Е.В. Падучева рассматривает понятие *значение* с точки зрения лексической, грамматической и прагматической семантики, отмечая несущественное различие сущности лексического и грамматического значения (8). А. Вежбицкая отмечает единство семантики, что обеспечивается семантическим метаязыком, который признается автором единым во всех областях семантики, от лексики до прагматики (2,3).

Применительно к референции Е.В. Падучева отдает предпочтение логической теории семантики естественного языка, называя ее референциальной теорией, основывающейся на “функ-

ционально-истинностной семантике Тарского, теоретико-модельной семантике Крипке, семантике Монтэгу, семантике условий истинности” (7:14). Исходя из этого, Падучевой выделяется два основных направления теории референции: *классическое* (Г. Фреге, А. Черч, К. Льюис, Р. Карнап, Дж. Серл), которое исходит из предопределения референции смыслом и *каузальное* (К. Доннелан, С. Крипке, Х. Патнэм), отдавшее предпочтение не смыслу выражений, а разного рода прагматическим факторам (7).

Выделяя значения смысла и референции все-таки нельзя их отождествлять, поскольку между ними есть существенные различия. Например, признаком автономности в большей или в меньшей степени обладает смысл (значение) всякого синтаксического компонента предложения, а вот автономной референтностью обладает далеко не каждый компонент высказывания, к примеру, предикатное слово ничего не обозначает, а лишь приписывает определенные признаки, свойства.

Вообще значение рассматривается как свойство предложения (как типа), а референция и истинность (нереферентность/ложность) как свойства определенного употребления предложения (его компонентов) в высказывании, поскольку референция неотделима от прагматического описания высказывания (7, 10).

Остановившись на механизмах референции, необходимо особенно подчеркнуть связь референции с речевым актом, иллокутивной функцией высказывания (интенцией говорящего), пропозициональными компонентами предложений, включенных в высказывания, а, значит, и с коммуникативной (темо-рематической) организацией высказывания, и с прагматическим контекстом речевого акта в целом.

Сам принцип идентификации, положенный в основу механизма референции, “подчеркивает связь между определенной референцией и способностью говорящего дать идентифицирующую дескрипцию объекта-референта” (9:193). В связи с этим Дж. Серл останавливается на аксиомах, относящихся к самому акту референции и к референтным выражениям, одну из которых он, назвав “аксиомой существования”, сформулировал так: “То, к чему производится референция, должно существовать”, а другую, под названием “аксиома тождества”, представил как: “Если предикат истинен относительно некоторого объекта, то он истинен и для любого, тождественного

данному, объекта, вне зависимости от того, какие выражения использованы для референции к этому объекту” (9:179-180). Однако прагматический анализ референции в речевых актах характеризует обратные описанным в аксиомах тенденции, кроме этого, сама формулировка аксиом, как отмечает и сам автор, является в сущности тавтологичной (9:180). В таком случае ставится под сомнение само существование этих (и подобных) аксиом. На самом деле существует, пожалуй, одна проблема – проблема идентификации, которая в итоге и определяет наличие/отсутствие референта и сам механизм определения типа референции.

А. Вежбицкая для анализа (дешифровки, декодирования) текстов (высказываний) предлагает сначала убедиться в их однородности (отсутствии в них “вставок”, “чужеродных тел”, “цитаций”), в противном случае лингвистический анализ будет осложнен или невозможен (2:237).

Приводя в качестве примеров утверждения типа: “Союз может быть подлежащим предложения, например: *И – это союз*”, Анна Вежбицкая предлагает именовать “вкрапления” (“и”), нарушающие правильность утверждений, цитациями. (2:238). В связи с этим ею отводится большое место так называемым “семантическим равенствам” или “формулам допустимых (семантически инвариантных) трансформаций”, которые предполагают не что иное, как возможность взаимного замещения высказываемых выражений. (2:238-239).

В итоге А. Вежбицкая выдвигает следующее: “Если в некоторой позиции некоторое выражение А не может (по семантическим, а не стилистическим причинам) быть заменено на синонимичное ему (= имеющее тождественный перевод на метаязык) выражение В, то следует подозревать, что А является скрытой цитатой”. (2:239).

Выражения, группы слов, находящиеся под “скрытой цитатой”, по мнению А. Вежбицкой, выступают в качестве предикатов, так как не функционируют как субъекты (аргументы) (2:241). Так, например, в роли предикатов могут выступать выражения типа “хороший лыжник”, “настоящий художник” и подобные. Наряду с этим А. Вежбицкая останавливается на так называемых потенциальных дескрипциях типа “убийца Джона Смита”, “первооткрыватель Америки” и подобных (2:243). В

этих случаях действует закон сингулярности, ведущий к сужению идентификации.

Как “явление идентифицирующей силы” рассматривает А. Вежбицкая и такие средства идентификации персонажей (субъектов), как “приписывание” каждому из них “собственного” предиката (2:244). Но в этом случае огромное значение имеет эмотивное содержание, экспрессивная сторона смысла и в конечном итоге отношение между обозначаемым лицом (предметом) и говорящим, т.е. по существу это выражение (дескрипция) субъективировано, оценочно, следовательно, нереферентно.

Обращаясь к грамматическим категориям и к частям речи в частности, А. Вежбицкая останавливается на процессе идентификации у существительных и прилагательных, отмечая, что процесс идентификации происходит на уровне существительного – референт, а “реальное семантическое различие между существительными и прилагательными лежит не в диапазоне или типе референтов, но в типе семантической структуры” (2:94). В данном случае можно также говорить о противопоставлении референтности и атрибутивности.

Особенности нереферентности анализируются Вежбицкой и на примере обращений, которые рассматриваются как “явные прагматические операторы”, стоящие в стороне от показателей идентификации: “То, что может употребляться в качестве дескрипции, не может выступать в качестве обращения и наоборот. Экспрессивные компоненты вводятся в обращения, а идентифицирующие – в субъекты” (2:262). Действительно, если и можно сказать, обращаясь: “Эй, толстый мальчик” или “Человек, родившийся в Дувре 1 июля 1945 года”, то это высказывание будет носить явно комический эффект, что, собственно, нередко используется не только в речи.

В осуществлении референции, как уже отмечалось выше, участвуют имена собственные и нарицательные, именные группы, личные, неопределенные, указательные и отрицательные местоимения (так называемый фонд автономных единиц), так и артикли (в артиклевых языках), притяжательные, указательные, неопределенные и отрицательные прилагательные, числительные (актуализаторы именных выражений).

Одним из механизмов референции являются анафорические связи, устанавливающие кореферентность, референциальное тождество:

“Письмо Татьяны предо мною, его я свято берегу”. Местоимение “его” кореферентно именной группе “письмо Татьяны”. Кореференция может наблюдаться не только у анафорически связанных слов. Например, возвратные (рефлексивные) конструкции обычно определяются на основе кореферентности подлежащего и дополнения: “Возлюби ближнего как себя самого”. Объект и дополнение здесь кореферентны. Кореферентность помогает обеспечить семантическую связность текста: “Ограблен крупный банк. Грабителям удалось скрыться”. Здесь кореференция субъекта “грабители” и глагола, который подразумевает субъект. Благодаря кореференции в данном примере удалось избежать явной тавтологии.

Таким образом, референция представляет собой сложный механизм соотнесения актуализированных (включенных в речь) имен, именных групп или их эквивалентов к объектам действительности. Референция определяется синтаксическими и прагматическими факторами.

Литература:

1. Ван Дейк, Т.А., Кинч, В. Стратегии понимания свяного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1982.
2. Вежбицкая, А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описания языков. М., 1999.
4. Виноградов, В.А. Дейксис // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998.
5. Доннелан, К.С. Референции и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
6. Куайн, У.О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
7. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
8. Падучева, Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. М., 1996.
9. Серл, Дж.Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
10. Стросон, П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
11. Тондл, Л. Проблемы семантики. М., 1975.
12. Abdullayev, A.A. Discourse Analysis and

Theme Development. Technical University of Berlin, Germany, 2003

* * *

The current article underscores the fact that there is no identity between the natural discontinuity of the world and its reflection in language, though there is a certain conformity between them without which the language would fail to perform its basic communicative purpose. Language meanings are, in fact, pragmatic, as they are tied to the person and the lingual situation. This results in a number of problems connected with the possibility of correct or adequate perceptions of utterances so as to avoid communicative failures. There are quite a few works that are dedicated to their solution, both in a field of syntactic semantics and pragmatics.

Thus, it's very hard to achieve a unified and concurrent understanding as in different situations language users demonstrate different understanding of different text types. However, the aspirations towards mutual understanding between various participants in lingual acts are the only guarantee of success in any communication.

Additionally, the article explores the indentifying function of the reference which brings about the identification of the subject in reference to reality and indentification of the subject in reference to the text. Therefore, the reference is a complex mechanism of correlation between nouns (included into the speech), nominal groups or their equivalents towards the subjects of reality. The reference is identified by both syntactic and pragmatic factors.

On cognitive and cultural linguistics

Yakup Doganay

Suleyman Demirel University, Almaty, Kazakhstan

Аннотация. In this article author tackles about the relationship between language, human, thought and environment first. Then he mentions about the relationship between culture, language and environment. After that he emphasizes the importance of cognition and culture in language teaching. Finally he compares Cultural Linguistics with Cognitive Linguistics form some mailstone points.

There are many studies and researches have been done to investigate and find out the relationship between language, thought, culture and environment so far. A great deal of attention is also given to cognition of the world and expressing it by using a language and dedicated to explain this mechanism. It shows that perception of the external world and to be able to express our cognition by using a language is crucial. Cognition, perception and conception of life, time, gender, events, domination and etc., changes from society to society depending on the cultural, and historical environmental differences and also these we can meet the traces of these differences in their languages. Cognition depends on environment and culture of any society one belongs to. Language, culture and mind are interrelated to each other to very high extent but not completely. They are almost inseparable. In foreign language education we should take into consideration cultural awareness depending on environment, background and conception of the students. Yet the presence of linguistic facts that are irrelevant or even inconsistent with culture does not necessarily negate the possibility that language and culture might be congruent in other ways. Furthermore, our opportunities to pursue this possibility are just opening up as more analyses are being made in Cognitive Linguistics. The correlations presented

here are preliminary and tentative. They are presented in the hope that they will inspire a new line of research using Cognitive Linguistics to examine the cultural linguistic phenomena that help to define the identities of thousands of speech communities on Earth. A lot of methods have been searched and applied to be able to find out the better, easier and more beneficial, techniques and principles of teaching a language more effectively. The 'cultural background' in language teaching has, for a number of reasons, recently moved to the foreground.

This page is dedicated to point a little light on these phenomenons. We have tried to open a small gate to our colleagues under the enlightening ideas and researches of the pioneers and dominant scholars in these fields given in our page. In this article relationship between human-language-cognition and culture and importance of culture in FLT is analyzed. The most remarkable common induction from all of the articles and references used in this article is that human-language and culture are indispensable and without applying culture in teaching a foreign language is not complete especially for intercultural communication competence.

That the human beings are affected or shaped by their culture or they influence to shape their culture is quite clear. Nobody can deny that